УДК 94(47)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/37-45

Ю.С. Колчанова*

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ИНЖЕНЕРОВ 1930-х гг.: ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье на архивных материалах реконструируется социальная генеалогия советских инженеров первого поколения, выясняется влияние первичной социализации, образовательных практик и участия в революционных событиях на социальное поведение и образ мыслей технических специалистов первых пятилеток, получивших образование в советских вузах. В фокусе исследования – инженеры оборонных заводов Западного Урала: старого казенного артиллерийского завода в Мотовилихе и нового авиамоторного предприятия в Перми. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой их участие в революционных событиях и гражданской войне явилось интегрирующим фактором в процессе овладения советской культурой. В статье формулируется вывод о том, что наследие первичной социализации сохранялось в поведенческих стратегиях советских инженеров.

Ключевые слова: биографический метод, советские инженеры, 1930-ые гг., картина мира, советская повседневность, социальная генеалогия

The social genealogy of the first generation of Soviet engineers in 1930s: the making of everyday life. YULIYA S. KOLCHANOVA (Perm State Institute of Culture)

Based on archival materials, the article reconstructs the social genealogy of the first generation of Soviet engineers educated in Soviet universities, revealing the influence of primary socialization, educational practices and participation in revolutionary events on their social behavior and the way of thinking. The study focuses on the engineers of the defense plants in the Western Urals: the old state artillery factory in Motovilikha and the new aircraft engine plant in Perm. The author makes a hypothesis that their participation in revolutionary events and Civil war was an integrating factor in the process of mastering Soviet culture. The article concludes that the legacy of primary socialization persisted in their behavioral strategies.

Keywords: biographical method, Soviet engineers, 1930s, soviet everyday life, worldview, social genealogy

В исторической концепции повседневности важную роль приобретает биографический метод. Речь идет об особых способах интерпретации коллективного опыта людей в терминах феноменологической школы, предложенных А. Шюцом, П. Бергером и Т. Лукманом [3;

* КОЛЧАНОВА Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: jukolchanova@gmail.com

© Колчанова Ю.С., 2017

с. 18]. Проблема совмещения двух методов: биографического и феноменологического, становится актуальной для историков, желающих соединить теоретические модели с конкретным историческим материалом. Исследования, основанные на использовании названных методов, отличаются казуальностью рассматриваемых сюжетов, а также использованием для исторической реконструкции источников личного происхождения и материалов, содержащих автобиографические данные.

По мнению Н. Козловой, для изучения советской повседневности большим эвристическим потенциалом обладают так называемые «человеческие документы» или «заветные дневнички», авторами которых были простые советские люди, чья жизнь «неповторима и имеет смысл» [8, с. 28]. Автор предостерегает нас от не критичного подхода к таким «дневничкам» и предлагает не верить на слово всему, что там записано. Интерпретация воспоминаний и мемуаров требует определенного навыка работы с таким типом человеческих документов и умения читать между строк, находить социальную реальность там, где о ней вроде бы ничего не сказано. Эти истории жизни надо раскодировать, а не пересказывать¹. Называя авторов «дневничков», Н. Козлова понятие субъект «поменяла на актор» по той причине, что «субъектом почитают того, кто обладает сознанием волевым и рефлексивным, кто способен совершать сознательный выбор из альтернатив, реализуя возможности индивидуальной свободы. <...> Дело все в том, что большинство людей этим высоким требованиям не отвечают <...> Понятие «актор» наделяет этих людей активностью <...> Такой поворот в социальном исследовании интерпретируется – и вполне справедливо – как возврат к «забытому человеку» <...> человек может и не быть субъектом, но он всегда деятель» [8, с. 59-61].

¹ Монография Н. Козловой «Советские люди. Сцены из истории» выполнена в соответствии с принципами антропологического исследования. В ней анализируются единичные случаи. О своем выборе метода Н. Козлова написала: «М. Фуко неоднократно повторял, что сегодня вопросы всеобщего значения возможно рассматривать только в контексте обращения к их исторически единичным формам. Под этим углом зрения понимаешь то, что имел в виду К. Леви-Стросс, которого легко причислить к «махровым структуралистам»: «Всегда остается только одно – провести кропотливое изучение одного случая; единственное различие заключается в выборе «случая», составные элементы которого будут <...> относиться к шкале проектируемой модели или же к какой-то другой шкале» [8, с. 29].

В настоящей статье рассмотрим, как можно применить биографический метод к историческому исследованию поведения определенной социальной группы. В данном случае, к советским инженерам первого поколения – людям, закончившим вузы в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Речь идет об инженерном корпусе оборонных предприятий г. Перми и Мотовилихи. Для реконструкции социальной генеалогии советских инженеров эпохи сталинской индустриализации были использованы источники, содержащие автобиографические данные.

В конце 1920-х гг. в результате репрессивной политики советской власти была уничтожена и запугана старая, так называемая буржуазная техническая интеллигенция². В сталинской индустриализации участие принимали уже молодые инженеры, получившие образование в советской системе высшего или среднего технического образования. Их отцы не были инженерами. Значит, нельзя говорить о преемственности технического знания между двумя поколениями. Мотивация молодых специалистов, создававших советскую промышленность, была связана не с признанием престижа инженерной профессии в дореволюционную эпоху. Наоборот, после разгрома буржуазных спецов от этого престижа не осталось и следа. В промышленность 1930-х гг. пришли инженеры, чьи представления и ценности были частью формирующейся советской культуры *modernity*.

В настоящей статье речь идет о ситуации на заводе № 19 по производству авиамоторов в г. Пермь Свердловской области. В декабре 1934 г. на этом заводе произошел инцидент, повлекший за собой серию драматических, а затем и трагических событий, завершившихся четыре года спустя полным разгромом инженерного корпуса самого передового предприятия советской авиационной промышленности. На общезаводском митинге, организованном с целью еще раз заклеить убийц тов. Кирова – «подонков зинovieвской оппозиции» главный металлург завода З.А. Радин не вовремя вспомнил, что когда-то с оппозицией боролись «с книгой в руках». За-

² Судебный процесс по делу контрреволюционного «Союза инженерных организаций» («Промышленной партии») проходил в Колонном зале Дома Союзов в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. В качестве обвиняемых к суду были привлечены 8 человек [14, с. 43-44]. В результате этой репрессивной кампании заводы Свердловской области фактически остались без инженеров [2, с. 98-110].

водское начальство, присутствовавшее на митинге, тут же одернуло незадачливого оратора; партком через два дня исключил его из членов ВКП(б) [10, с. 476].

Инженер З.А. Радин был выходцем из черты оседлости, вполне возможно учился в хедере. Его отношение к книжному знанию, пусть и полученному из религиозной литературы, формировалось еще в детском и подростковом возрасте. Поэтому во фразе «с книгой в руках», произнесенной инженером Радиным на первый взгляд случайно, как в капле воды отразилась одна из характерных черт генезиса жизненного мира советских инженеров первого призыва: речь идет о воздействии на них личностного опыта, полученного в период первичной социализации. В данном случае это опыт мальчика из черты оседлости.

Если следовать логике, предложенной Х. Абельсом («Социальный порядок есть процесс, в котором прежний опыт сравнивается с новым и соединяется с ним в свободной от противоречий “теории”»), при описании жизненного мира необходимо брать во внимание не только пространственные, но и временные стороны конструирования и повседневности в целом, и жизненного мира, в частности [1, с. 78]. История личности в таком случае может быть описана как процесс накопления опыта, разделяемого с близким кругом сверстников.

Советское государство прилагало множество усилий для унификации социального опыта советских людей, принадлежащих к определенным группам и сообществам. Эти усилия дали результат только к середине 1960-х гг., когда была завершена институционализация социальной карьеры молодых людей, желающих получить социальный статус инженера. Была введена в действие «дорожная карта» с понятным маршрутом: городская школа, рабфак или техникум, политехнический институт, занятость на промышленном предприятии [9]. В середине 1930-х гг. процесс инженерной аккультурации отличался крайней быстротой. Среда, из которой выходили инженеры, отличалась большим социальным разнообразием [12, с. 775-789].

Захар Радин принадлежал к кругу людей, пришедших в советскую индустрию из мира еврейской бедноты – персонажей рассказов Шолом – Алейхема и Исаака Бабея.

Процитируем И. Уткина:

«И дед и отец работали. / А чем он лучше других? / И маленький рыжий Мотэле / Работал за двоих. / Чего хотел, не дали / (Но мечты его с

ним!) / Думал учиться в хедере, / А сделали – / Портным <...>

Трудно сказать про омут / А омут стоит / у рта / Всего / два погрома / И Мотэле / стал сирота [16, с. 161-164].

В еврейском местечке главным образовательным учреждением был хедер – школа, в которой единственным учебником был талмуд – священная книга иудеев, техникой – разучивание наизусть страниц и глав, методом – комментирование священного текста и способом поддержания дисциплины – розги и зуботычины. Так из подростков делали «людей книги» – правоверных иудеев. Сталин презрительно называл их «начетчиками и талмудистами». Михаил Соломонович Богуславский (начальник строительства завода горного оборудования в Новосибирске в начале 1930-х гг.) в своей автобиографии вспоминал: «Отец – портной, ремесленник. В семье было еще двое детей от первой жены отца (умершей), и трое детей от второй жены (моей матери). В пять лет я был отдан на обучение в домашнюю еврейскую школу («хедер»). В которой учился до восьми лет, до смерти матери. <...> Нередко огромная семья по целым дням сидела без хлеба, в ожидании пока заказчики отдадут отцу его грошовый заработок. <...> И первой экономией в бюджете семьи явился перевод меня из платной еврейской школы в бесплатную общественную школу для беднейших еврейских детей («талмуд-тора»), где кроме бесплатного обучения на еврейском и русском языках также бесплатно обмундировывали и кормили... Учеба в этой Талмуд-торе была сплошным мучением: <...> приходилось туда ходить, вставая еще до восхода солнца, причем за малейшее опоздание немилосердно били, приучая к «аккуратности» ...» [5, с. 364]. Кто-то навсегда воспитал в себе «непреодолимое отвращение к древнему языку и ненависть к бабушке, религии и богу» [5, с. 399]; кто-то вспоминал о годах, проведенных в хедере, даже с некоторой теплотой, но традиция священного отношения к тексту, к книге сохранилась у многих. Без учета этой традиции было бы трудно объяснить характер внутрипартийной борьбы в двадцатые годы, когда конфликты по поводу политической стратегии и принципов хозяйствования, форм социальной организации были облачены в форму т.н. «литературных дискуссий», где противники использовали в качестве действенного оружия цитаты из классиков, без конца обращались к текстам, писанным в совсем иную историческую эпоху. И тогда неу-

дачное высказывание З.А. Радина вовсе не будет казаться случайным; оно укажет и на его происхождение, и на участие во внутрипартийных схватках, как выяснилось тогда же, на стороне проигравших, и на опыт поколения, уже сходявшего с политической сцены. Не будет историческим анахронизмом параллель между книжными знаниями о жизни юных начетчиков 1920-х гг. и идеальным восприятием социального мира у «шестидесятников», вышедших из иной среды, но в той же степени отворачивающихся от жестокой российской реальности во имя призрачного идеала: ««Новые люди» 60-х годов были нетерпеливы и фанатичны: они проявляли иступленную веру в светлое будущее и были нетерпимы к тем, кто не разделял их радикальных воззрений. <...> В их системе ценностей существительное «прошлое» всегда употреблялось вместе с прилагательным «позорное»: бывшее по определению было только постыдным. Таков был краеугольный камень в построении их картины мира. Они мифологизировали будущее и, следуя установкам Николая Гавриловича Чернышевского, упорно старались переносить элементы будущего в настоящее. Однако эти прививки будущего, например, коммуны, не приживались в настоящем. Но неудачи в практических вопросах никак не сказывались на воодушевлении «шестидесятников» и не поколебали их идеалы. Иступленный фанатизм был превосходной защитой от реальной жизни с её насущными проблемами [19].

Борис Бергер, в середине 1930-х гг. работавший конструктором в опытно-конструкторском отделе завода № 172 имени Молотова в Перми, создатель артиллерийской системы МЛ – 15, также вырос в еврейской мещанской семье, его отец был часовым мастером в Житомире (Пермский государственный архив социально-политической истории, далее – ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 9). Не удивительно, что, рассказывая о своем детстве, и Бергер, и Богуславский обращали внимание на моменты, отражающие низкий социальный статус и ограниченные «чертой оседлости» жизненные горизонты, обусловленные происхождением и в дальнейшем контрастирующие с их приобретенным высоким инженерным статусом. Сегодня трудно представить себе, каким почетом было окружено в предреволюционной России звание инженера: личная независимость, высокий оклад жалования, поражающее воображение образование, красивый мундир, отличный от местных обывателей стиль жизни, зримое

воплощение прогресса. И все это соединялось в одном образе – инженера. Недостижимый идеал для еврейского мальчика из захолустного местечка. В новую жизнь он принес не только книжность, умение и желание играть в опасную игру с идеологическими формулами. Собственно, эта игра Бориса Бергера и сгубила: не так на кружке определил характер китайской революции, что-то сказал про диктатуру пролетариата, а нельзя было. Потом уже на следствии оправдывался, мол, не подготовился, плохо спал, артиллерийскую систему проектировал: «У меня были отдельные ошибки в руководстве кружком марксизма-ленинизма, являющиеся результатом непосещения мною консультаций при Горкоме партии и недостаточной подготовки к занятиям в силу неимоверной моей загруженности на заводе» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 22об.). Но в ситуации 1936 г. идеологическая чистота уже стояла выше тактико-технических условий, действительно, удавшейся гаубицы – и дело кончилось исключением из партии, разговором и бессудным расстрелом в лагере.

Наряду с опытом комментирования священных текстов присутствовал и страх перед начальством: новыми городскими в синих коверкотовых гимнастерках, или партийных кителях с отложными воротничками, память о голодном и бесправном детстве и неуверенность в сегодняшнем дне.

Рядом с Борисом Бергером работал конструктор Александр Плоскирев – сын купца первой гильдии, расстрелянного в дни красного террора [7], признанный специалист, знающий толк в профессии и готовый прийти на помощь своим юным коллегам («Плоскирев внимательно относился к молодым специалистам, стремился разъяснить нам неясные вопросы» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 290)), при этом человек прижимистый, упрямец, готовый идти против течения: он не проголосовал на собрании за смертную казнь для обвиняемых на «процессе 16» в августе 1936 г.: «Плоскирев от голосования воздержался, заявив, что ему совесть не позволяет голосовать до тех пор, пока ему не будут известны детали дела» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 18об.).

Он знал, что за ним приглядывают и ждут удобного случая, чтобы прогнать с оборонного завода, но это его не остановило. Примерно также вел себя и Арон Баранов – сын комиссионера, совладельца паровой биржи. Родители отплатили ему получать гимназическое образование в Женеву, на инженера он учился в Цюрихе,

на механическом факультете Высшей технической школы (до него в ней учились Вильгельм Конрад Рентген и Альберт Эйнштейн), может быть, по этой причине в партийных дискуссиях не участвовал, товарищей на сталинистов и троцкистов не делил, попавшим в беду помогал, чем мог, явно преодолевая страх. На следствии вину не признал, ушел в лагерь несломленным [10, с. 477-478]. В критических обстоятельствах проявилось у них заложенное в детстве, или в ранней юности обостренное чувство собственного достоинства. Именно оно позволило Аро-ну Баранову сказать на заседании парткома, что партия не может заставить его отказаться от собственного мнения или возникших сомнений: потребовать рассказать о них товарищам – да, наказать за них – вправе, но не более того: «Не может партия приказывать мне думать или верить, а может требовать, чтобы я правдиво сообщил ей, что думаю. В случае, если мои мысли анти-партийные, меня можно переубеждать и по не-исправимости исключить меня» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 66).

Все они – и выходцы из еврейских низов, и дети среднего класса прошли через горнило гражданской войны, кто-то, как тот же А. Баранов, в рядовых, кто-то выдвинулся в батальонные командиры, в штабные работники высокого ранга, кто-то комиссарил, кто-то, как Л.С. Татко – начальник группы цехов на заводе №19, успел послужить и у красных, и у Махно: командовал батареей, чего нисколько не стыдился и до поры до времени свысока относился ко всякого рода доносам, которые на него регулярно писали бдительные товарищи: «19 год является для Совласти самым тяжелым, и Татко сейчас же взвешивает обстоятельства и два месяца ходит в боях, командует батареей и лупит красных. Хотя он увильивает от этого и говорит, что он всегда воевал с белыми и т.п. Тогда как известно, что махновцы почти ежедневно дрались с красными. Сейчас это знает каждый беспартийный, каждый честный рабочий, а Татко тем более» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1186. Л. 15). Захар Радин и Иосиф Побережский (директор завода с высшим инженерным образованием) занимали высшие посты в РККА. Побережский воюет в Каракумских песках, в тех местах, где когда-то шел за всероссийской славой «белый генерал» Михаил Скобелев. Всероссийской известности не сыскал, но был отмечен орденами: «награжден двумя боевыми орденами «Красного знамени», орденом Ленина и орденом Красной звезды. Орденом Красного Знамени я награжден за

операцию, проводимую под моим руководством в песках Кара-Кума, вторым орденом награжден за освобождение Хивы» (ПермГАСПИ. Ф. 817. Оп. 1. Д. 47. Л. 453). Во время войны эти люди нашли новых друзей, им казалось, что навсегда. Выяснилось, однако, что боевой товарищ может при случайной встрече отвернуться и пройти мимо. Так поступил Ричард Пикель³, равнодушно скользнувший взглядом по спешащему ему навстречу Захару Ради-ну. А когда-то они вместе командовали частями в 16-й армии на Польском фронте. Радин очень переживал, даже жаловался молодой жене: «Даже не поздоровался и отвернулся» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 94).

Те, кто читал книгу И. Нарского «Жизнь в катастрофе», без труда могут себе представить будни гражданской войны в тыловой Москве: голод, тиф, холод, расстрелы заложников, заградотряды, вылавливающие и пулей наказывающие мешочников, заводы, где едва теплилась жизнь, годами не убранные улицы, темень, налеты, обыски – все то, что называется катастрофой [11]. Юнцы, отправившиеся на фронт мировой войны, быстро изживали юношеские иллюзии, превращаясь в свирепых полевых командиров, или в жестоких хладнокровных большевистских проконсулов. Дневники Бабеля и роман Пастернака яркими красками рисуют это перерождение.

Так, ветеранов Гражданской войны, ставших спустя 10 лет инженерами завода №19, легко представить себе среди героев баллады М. Светлова «Пирушка» [13]. Действительно, литейным цехом на этом заводе руководил дипломированный инженер Иван Данишевский, зимой 1920-1921 гг. в должности начальника особого отдела 13-й армии Южного фронта принимавший самое активное участие в расправах над белыми офицерами и беженцами в Крыму. «Апогей внесудебных казней пришёлся на де-

³ Ричард Витольдович Пикель (1896-1936) – проходил по «Процессу 16» в августе 1936 г. как соучастник заговора Г.Е. Зиновьева. Из студентов. В 1924 г. перешел на работу начальника секретариата председателя Исполкома Коминтерна. В 1927 г. был исключен из партии как участник левой оппозиции. После публичного покаяния восстановлен. С октября 1934 г. работал директором учебного комбината на острове Шпицберген. В июле 1935 г. вернулся в Москву, в течение одиннадцати месяцев безуспешно пытался встать на партийный учет. Арестован в июне 1936 г. Пикель издал одну книгу по истории философии в 1924 г. «Великий материалист древности (Демокрит)».

кабрь 1920 г. Возглавляя чрезвычайную тройку, Данишевский с 6 по 14 декабря заочно осудил к расстрелу в Керчи 609 чел., в Феодосии с 3 по 30 декабря – 527 чел., в Симферополе 27 января 1921 г. – 10 чел. После завершения основных внесудебных расправ в Крыму Данишевский был награждён золотыми часами и переведён в столицу Украины, заняв в марте 1921 г. пост начальника Особого отдела Харьковского военного округа» [15, с. 95].

А затем им всем – бывшим полковым командирам и чекистам – пришлось садиться за парту, поступать или в авиационную академию им. Жуковского, или в Московское высшее техническое училище – и довоевывать уже в партийных боях пером, или голосом, если хватало темперамента, или голосованием, или посещением подпольных собраний оппозиции где-то на частных квартирах или секретных инструктажей в районных комитетах партии. Иногда дело доходило до кулаков [20]. Бывали случаи, когда спорщики хватались и за наганы: «Я участник парада 1927 года, – рассказывал И. Побережский. – На обратном пути, когда мы шли с парада вместе с заместителем директора №26 Абрамовым Семеном Петровичем, вышли на площадь к гостинице «Париж», видели толпу, шумящую на балконе. Мы обнаружили, что на балконе стоял Смилга, Мальцев (слушатель академии) и был, кажется, по фамилии такой – Малюта, и другие троцкисты – зиновьевцы, кричали лозунги: «Назад – к Ленину», «Да здравствуют вожди Троцкий и Зиновьев». Вход на балкон и в гостинице был закрыт. Мы пробрались с Абрамовым на второй этаж. Я правой рукой разбил окно и вытащил с балкона Смилгу; Мальцев пытался схватиться за ордена, я не давал, он выхватил маузер, я – наган, но стрельбы не было, нас своевременно развели. Я помню после этого на одном из собраний нас с Абрамовым называли сталинскими молодцами» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1186. Л. 8 об.).

В вузовских ячейках партийные схватки были особенно ожесточенными. В них оппозиция пользовалась большой поддержкой [21, с. 411].

Когда же время дискуссий закончилось, все они – и сторонники «Генеральной линии», и их оппоненты – перешли на работу в промышленность, стали сотрудниками в новом амбициозном деле – индустриализации СССР. Тогда же они познакомились с людьми из высших эшелонов власти. К партийной ячейке завода «Икар», где работал инженер А. Баранов, в 1923 г. был

приписан И.Н. Смирнов – народный комиссар почт и телеграфа СССР, в недавнем прошлом красный диктатор Сибири, прозванный «сибирским Лениным». В ячейке было едва ли больше дюжины членов, так что возможностей поближе узнать члена правительства у молодого инженера были. Через десять лет тот же Баранов станет постоянным шахматным партнером Бесо Ломинадзе – парторга завода № 24, а незадолго до этого первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б), потерпевшего поражение в аппаратных боях и переброшенного на низовую работу, до Закавказья работавшего по линии Коминтерна и заслужившего репутацию свирепого и грубого сталинского эмиссара. Ломинадзе расскажет своему собеседнику, как едва не состоялось его назначение «вождем» компартии США. Соприкосновение с верхами партии, конечно же, придаст уверенности молодым людям, только что вошедшим в советский истеблишмент.

И вот тут невольно задаешь себе вопрос, не о них ли писал Александр Воронский, в далеком прошлом большевик-подпольщик из рабочих, ставший редактором первого советского «толстого» журнала «Красная Новь»: «Вредно и опасно петь лишь одни дифирамбы этому поколению, что у нас делают постоянно, закрывая глаза на тревожное. <...> Что выйдет в итоге из этих новых реалистов, в конечном счете, зависит от социалистической революции на Западе и в России. При неблагоприятном обороте все это может выродиться в узкий американизм, в делячество «без всяких измов», в грюндерство худшего сорта. Отсутствие склонности к рефлексии при этом может превратиться в свободу от всякой идейности, а некоторое равнодушие к «музе мести и печали» – в черствое, жестокое отношение к бабкам и мужикам» [4, с. 121, 124].

Подумаем над этим вопросом. Среди советских инженеров были разные люди: добрые и злые, способные и не очень, хорошие администраторы и толковые конструкторы. К людям, встреченным на пути, они относились по-разному: кто-то спешил на помощь, кто-то отворачивался, а кто-то присоединялся к гонителям. Но было ли в их жизненном мире чувство сострадания к рабочим? Обратимся к фактам.

Главным детищем инженеров-моторостроителей, прибывших в районный город Пермь по путевке Промышленного отдела ЦК, которым тогда заведовал их сверстник, напоминавший воробушка, худенький и скромный Николай Иванович Ежов, стал завод №19 имени Стали-

на – самое современное предприятие советского авиапрома, построенное по американской лицензии. «Возьмите площадку завода № 19 – красивейшее место, культурный оазис в нашем городе», – восхищался секретарь городского комитета ВКП(б) (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1102. Л. 52). Рабочие, обслуживающие конвейер, были одеты в белые халаты. В цехах были расставлены горшки с цветами. «В технологию конвейера включены такие мероприятия, как рабочие в белых халатах, белые колонны, белое..., если выражаться грубо, то все в белой форме», – рассказывал директор завода И. Побережский (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1344. Л. 11.). Сняв чистые и белоснежные халаты, те же рабочие уходили в грязные, полуразрушенные бараки общего типа – там было их постоянное жилище. «Бараки у нас находятся в таком состоянии, что говорить об этом жутко <...> Здесь, т.е., вы найдете пьянство, воровство, хулиганство, разврат, проституцию, в конце концов, найдете вшивость и найдете разные другие инфекционные заболевания – кожно-венерические. Все это вы найдете в наших бараках», – так описывала их состояние работница завода №19 (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 298-299).

Вот этот контраст между производственными помещениями и жилищными условиями рабочих невольно заставляет вспомнить организацию пространства в немецких «трудовых лагерях»: газоны, клумбы, тщательно отмытые дорожки возле административного корпуса – и казармы, где в отмеренной тесноте ютились полуголодные заключенные.

Можно было бы предположить, что далеко не всех инженеров устраивала такая ситуация, но в их публичных выступлениях тема рабочей нищеты, убогих условий быта производственников не встретила мне ни разу.

Инструментальное отношение к людям, обслуживающим конвейер, обрабатывающим детали на импортных станках, землекопам, строителям как к рабочей силе несколько не мешало инженерам-партийцам и говорить «по-большевистски», и даже одеваться по-пролетарски, значит – небрежно, безвкусно, бедно. Такой стиль одежды можно рассматривать как способ презентации привилегированной группы населения, призванной смягчить, точнее – спрятать новую социальную дифференциацию.

Как показала Всесоюзная перепись населения 1937 года, в стране насчитывалось только 911790 человек с высшим образованием [6, с. 96]. Невозможно точно определить, какую

часть из них составляли инженеры. Предположим, что большинство. По своему социальному положению инженеры относились к служащим. В структуре служащих государственных предприятий общим числом 10340177 человек доля женщин составляла 34,2 % [6, с. 73]. На пермских предприятиях социальную группу инженеров составляли преимущественно мужчины.

Советский инженерный корпус в годы второй пятилетки состоял из двух неравных частей. Меньшинство принадлежало к выпускникам императорских университетов, технологических институтов и зарубежных политехников. Большинство же закончило советские вузы: МВТУ (Московское высшее техническое училище), Харьковский технологический институт, Академию им. Жуковского и др. Преимущественно это были молодые люди – партийцы или комсомольцы; некоторые с опытом участия в гражданской войне. Большая часть из них были выходцами из мещанской или рабочей среды [17, с. 10-15]. В эпоху сталинской индустриализации инженер как носитель технической культуры приобретает высокий социальный статус. После процесса Промпартии и гонений на «буржуазных» технических специалистов в 1928-1933 гг. (в 1932 г. секретарь Свердловского обкома ВКП (б) И.Д. Кабаков писал Сталину, что на уральских заводах не осталось специалистов) статус инженеров был восстановлен [2, с. 98-110]. Их награждают орденами, приглашают на совещания к вождям, предоставляют привилегии.

Жизненные миры советских инженеров первой формации, выпускников технических вузов в 1929-1930 гг., формировались в условиях гражданской войны, партийных дискуссий, но также и в процессе становления нового иерархического социального порядка. Они овладели большевистской речью, посредством которой могли интерпретировать существующую реальность в терминах классовой борьбы, или борьбы старого с новым, или просто, не раздумывая, повторять партийные лозунги. Такого рода языковые практики конструировали особую картину мира, общую для этой профессиональной группы. В ней отсутствовали и неудобные темы, вроде вопиющей бедности рядовых строителей нового строя и, за редким исключением, самостоятельная рефлексия и нравственные оценки. Образ социалистического строительства завораживал их, не позволяя разглядеть ни человеческих трагедий, ни социальных проблем, ни рождения из обломков старого мира

все того же Левиафана в партийных одеждах. Это общее рассуждение отнюдь не означает тождества их жизненных миров. У них было разное детство, и опыт семейный и школьный наложили свой несмываемый отпечаток на процесс субъективации.

Свое собственное место в новом социальном порядке советские инженеры первой формации видели в двух проекциях: идейной и бытовой – как героев и подвижников социалистической индустриализации, преданных советских работников, и как людей, заслуживших право на экономические привилегии: хорошую квартиру, высокий оклад, предметы советской роскоши. Это стремление к зажиточной жизни воспроизводило самые разные пласты коллективного опыта, разделяемого ими с семейным кругом в детские годы, с партийными сановниками много позже и с товарищами по профессии из Германии и США, с которыми они встречались во время продолжительных заграничных командировок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
2. Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, спецы, партийцы: о социальных истоках "Великого перелома" // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98-110.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
4. Воронский А. Литературные портреты. Т. 2. М.: Федерация, 1928.
5. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989.
6. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
7. Забытые погосты Кунгура. Журналистское расследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iskra-kungur.ru/state/print:page,1,3482-zabytye-pogosty-kungura-zhurnalistskoe-rassledovanie.html>
8. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
9. Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
10. Лейбович О.Л. «Парторганизцию завода им. Сталина охватил психоз...» // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 470-489.

11. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОССПЭН, 2012.

12. Рыжковский В.В. Высшее специальное образование в 1880-1930-х гг. (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775-809.

13. Светлов М.А. Ночные встречи: стихи. М.: Молодая гвардия, 1927.

14. «Свои дневники я рассматриваю как оценку рядового гражданина плененной России...»: Процесс «Промпартии» в дневнике инженера И.Я. Попова // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 42-73; № 3. С. 62-90.

15. Тепляков А.Г. Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 94-97.

16. Уткин И. Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исае и комиссаре Блох. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1971.

17. Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011.

18. Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

19. Экштут С.А. Закат империи. От порядка к хаосу. М.: Вече, 2011.

20. Halfin, I., 2007. Intimate enemies. Demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

21. Orlov, B., 1991. Накануне большого терпора: армия и оппозиция. Cahiers du monde russe et soviétique, Vol. 32, no. 3, pp. 409-423.

REFERENCES

1. Abels, H., 1999. Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnyu sotsiologiyu [Interaction, identification, presentation. Introduction to interpretative sociology]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
2. Bakulin, V.I. and Leibovich, O.L., 1990. "Rabochie, spetsy, partiitsy: o sotsial'nykh istokakh "Velikogo pereloma"" [Workers, specialists, party members: on the social origins of the "Great Break"], Rabochii klass i sovremenniy mir, no. 6, pp. 98-110. (in Russ.)
3. Berger, P. and Lukman, T., 1995. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii

znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moskva: Academia-Tsentr; Medium. (in Russ.)

4. Voronskiy, A., 1928. Literaturnye portrety [Literary portraits]. T. 2. Moskva: Federatsiya. (in Russ.)

5. Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii: Entsiklopedicheskii slovar' Granat [The figures of the USSR and the revolutionary movement of Russia: Granat encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. (in Russ.)

6. Zhiromskaya, V.B., Kiselev, I.N. and Polyakov, Yu.A., 1996. Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda [Half a century with the stamp "secret": All-Union population census of 1937]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Zabytye pogosty Kungura. Zhurnalistskoe rassledovanie [Forgotten graveyards of Kungur. Journalistic investigation]. URL: <http://iskra-kungur.ru/state/print:page,1,3482-zabytye-pogosty-kungura-zhurnalistskoe-rassledovanie.html> (in Russ.)

8. Kozlova, N.N. 2005. Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii [Soviet people. Scenes from history]. Moskva: Evropa. (in Russ.)

9. Kryshantovskaya, O.V., 1989. Inzhenery: stanovlenie i razvitie professional'noi gruppy [Engineers: the formation and development of a professional group]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

10. Leibovich, O.L., 2012. «Partorganizatsiyu zavoda im. Stalina okhvatil psikhoz...» ["Psychosis came upon the Party organization of the plant named after Stalin..."], Novoe literaturnoe obozrenie, no. 116, pp. 470-489. (in Russ.)

11. Narskiy, I.V., 2012. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg. [Life in the catastrophe: Everyday life of Ural region in 1917-1922]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

12. Ryzhkovskiy, V.V., 2012. "Vysshee spetsial'noe obrazovanie v 1880-1930-kh godakh (meditsina, sel'skoe hozyaistvo, finansy i ekonomika)" [Higher special education in the 1880s and 1930s (medicine, agriculture, finance and economics)]. In: Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v

Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody). Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 775-809. (in Russ.)

13. Svetlov, M.A., 1927. Nochnye vstrechi: stikhi [Night meetings: poems]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

14. «Svoi dnevniki ya rassmatrivalu kak otsenku ryadovogo grazhdanina plennoi Rossii...»: Protsess «Prompartii» v dnevnike inzhenera I.Ya. Popova ["I consider my diaries as an opinion of an ordinary citizen of a captured Russia...": The process of "Industrial Party" in the diary of engineer I.Ya. Popov], Otechestvennye arkhivy, 1998, no. 2, pp. 42-73; no. 3, pp. 62-90. (in Russ.)

15. Teplyakov, A.G., 2012. Ivan Danishevskiy: chekist, aviaostroitel', publitsist [Ivan Danishevsky: chekist, aircraft builder, publicist], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 360, pp. 94-97. (in Russ.)

16. Utkin, I., 1971. Povest' o ryzhem Motele, gospodine inspektore, ravvine Isaie i komissare Blokh [The story of the red-haired Motel, Mr. Inspector, Rabbi Isaiah and Commissioner Bloch]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. Izd-vo. (in Russ.)

17. Shattenberg, S., 2011. Inzhenery Stalina: zhizn' mezhdru tekhniki i terrorom v 1930-e gody [Engineers of Stalin: life between technology and terror in the 1930s]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

18. Schütz, A., 2003. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moskva: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». (in Russ.)

19. Ekshtut, S.A., 2011. Zakat imperii. Ot poryadka k khaosu [The twilight of the Empire. From order to chaos]. Moskva: Veche. (in Russ.)

20. Halfin, I., 2007. Intimate enemies. Demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

21. Orlov, B., 1991. «Nakanune bol'shogo terrora: Armiya i oppozitsiya» [On the eve of the Great Terror: the army and the opposition], Cahiers du monde russe et soviétique, Vol. 32, no. 3, pp. 409-423. (in Russ.)